

АНАЛИЗ ПРИЧИН СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ ЖЕНЩИН, ОБРАЩАЮЩИХСЯ ЗА ПОМОЩЬЮ

В статье анализируются причины социально-психологического неблагополучия женщин, внешние и внутренние факторы, обуславливающие социально-психологическое неблагополучие женщин, заявивших о своих житейских проблемах, а также факторы, поддающиеся психологической коррекции, что позволяет определить стратегию оказания психосоциальной помощи. Психодиагностика личностных особенностей и расстройств личности обратившихся за помощью женщин позволила в ходе исследования составить личностный профиль среднестатистической клиентки. Установлено, что значительное количество обследованных женщин с большей долей вероятности имело возможность унаследовать искаженное представление о семье, нежели усвоить модель семьи, адекватную критериям благополучия. При выборе стратегии психосоциальной помощи женщинам следует преимущественно ориентироваться на психогенные факторы внутреннего характера.

В последние годы в России активно развивается сеть центров социальной помощи, которые действуют преимущественно в системе учреждений здравоохранения и социальной защиты, а работающие в них психологи оказывают услуги различным категориям населения, в том числе и женщинам. В этой статье мы публикуем результаты социально-психологического обследования женщин, объединенных по признаку обращения за психосоциальной помощью к психологу, занятому в государственном учреждении социального обслуживания, – автору данной работы, который оказывает профессиональную психосоциальную помощь женщинам, начиная с 1994 года. Анализ причин социально-психоло-

гического неблагополучия обращающихся за помощью женщин позволяет получить научное представление о психопатологизирующих личность современной российской женщины факторах социальной среды, а также о тех личностных особенностях, которые снижают способность женщины противостоять давлению интолерантного социума и ограничивают ее самореализацию.

Цель данного исследования – выявить внешние и внутренние факторы, обуславливающие социально-психологическое неблагополучие женщин, заявивших о своих житейских проблемах; выделить факторы, в принципе поддающиеся психологической коррекции, и определить стратегию оказания психосоциальной помощи.

В исследовании участвовали 292 женщины в возрасте от 22 до 59 лет, обратившиеся за психосоциальной помощью в период с 2000 года по 2005 год и полностью выполнившие «план работы со случаем». На момент обращения имели высшее гуманитарное образование 169 клиенток (58%), 64 клиентки (22%) – высшее техническое, 52 женщины (18%) – среднее специальное образование, 7 женщин (2,4%) – ученую степень. Все они занимались разнообразной деятельностью: социальная работа – 64 женщины (22%), педагогика – 60 (21%); сервис и обслуживание – 44 (15%); психология – 24 (8%); медицина – 24 (8%); инженерия – 13 (4%); юриспруденция – 12 (4%); домохозяйки – (3%); бизнес и предпринимательство – 8 (3%); сотрудники НКО – 8 (3%); ветеринария – 7 (2%); другое – 19 (7%). Профессиональная занятость 221 женщины (75,7%) составляла 8 часов в день с двумя еженедельными выходными днями; ненормированный рабочий день имели 20 женщин (6,8%); 51 женщина (17,5%) занималась профессиональным трудом более 10 часов в день и испытывала при этом сильное эмоциональное и психофизиологическое напряжение. Большую часть составляли замужние женщины – 188 клиенток (64,4%), находились в разводе – 39 (13,4%), формально сохраняли брак – 17 (5,8%), сожительствовали до брака – 13 (4,5%), сожительствовали после развода – 12 (4,1%); вдовы – 4 (1,4%); не замужем – 19 (6,5%). По одному зарегистрированному браку имели 238 женщин (81,5%), 35 клиенток (12%) – по два брака.

Для выявления причин социально-психологического неблагополучия этих женщин использовался блок психодиагностических методов¹. Для определения личностных особенностей применялись:

- 1) диагностика личностных расстройств с помощью многофакторного опросника ММРІ (мини-мульти);
- 2) тест К. Роджерса и Р. Даймонда «Социально-психологическая адаптация» (СПА);

- 3) тест на определение уровня самооценки (В. Волков);

- 4) методика исследования особенностей самосознания личности и выявления гендерных ролей М. Куна и Т. Маркпартленда «Кто Я?»;

- 5) диагностика доверия (шкала Розенберга);

- 6) диагностика принятия других (шкала Фейя);

- 7) диагностика враждебности (шкала Кука–Медлей со шкалами цинизма и агрессии);

- 8) диагностика коммуникативной толерантности (В. В. Бойко);

- 9) определение ролевых позиций в межличностных отношениях (Э. Берн);

- 10) диагностика реализации потребностей в саморазвитии;

- 11) опросник С. Бем по изучению пололевого поведения (маскулинности – феминности);

- 12) диагностика личностной фрустрации (В. В. Бойко);

- 13) диагностика социальной фрустрированности (Л. И. Вассерман);

- 14) выявление осведомленности женщин в «женском вопросе» с помощью метода незаконченных предложений и толкования определений.

Для исследования социально-психологические факторы внешней среды, обуславливающих психопатологизацию и дезадаптацию женщин, использовались:

- 1) метод анкетирования;
 - 2) диагностика факторов личностной фрустрации (ЛФ) (В. В. Бойко);
 - 3) диагностика факторов социальной фрустрированности (СФ) (Л. И. Вассерман);
 - 4) тест «Семья в круге» (Э. Г. Эйдемилер);
 - 5) построение геносоциограммы семьи.
- Основой для выводов послужили результаты математической обработки материалов эмпирического исследования, которая включает проверку статистической значимости различий по *t*-критерию Стью-

дента, расчет и оценку дисперсий, факторный и корреляционный анализы, выпол-

ненные с помощью компьютерной программы SPSS 11.5 for Windows.

1. Анализ первичных запросов

Таблица 1

Распределение женщин в зависимости от типа первичного запроса

Тип запроса	Процент	Число
О помощи в разрешении супружеского конфликта	68	23,3
О помощи в случаях родительско-детских конфликтов	52	17,8
О снятии симптома	44	15
О помощи в избавлении от женского одиночества	32	11
О помощи в самопознании	29	9,9
Об информации	28	9,6
О помощи в изменении себя, т.е. о трансформации	12	4,1
«Другие запросы»	16	5,5
О помощи в ситуации развода	8	2,7
О помощи в саморазвитии	3	1

Примечание. «Другие запросы» – это манипулятивные просьбы помочь кому-либо или «исправить» кого-то, которые удалось позитивно переформулировать с помощью вопроса: «А что нужно лично вам?».

2. Исследование социально-психологических особенностей личности

Таблица 2

Распределение женщин по уровням проявления социально-психологических особенностей личности

Социально-психологические особенности	Высокий	Средний	Низкий
Самооценка	68	156	68
Личностная фрустрация (ЛФ)	7	129	156
Социальная фрустрированность (СФ)	–	16	276
Доверие к людям	59	77	156
Враждебность	16	42 + 234	–
Цинизм	23	28 + 241	–
Агрессия	–	160 + 132	–
Адаптация	6	218	68
Самопринятие	99	185	8
Принятие других	36	239	17
Эмоциональный комфорт	8	193	91
Интернальность	29	219	44
Доминирование	–	167	125

Окончание табл. 2

Социально-психологические особенности	Высокий	Средний	Низкий
Потребность в саморазвитии	67	116	105 + 4
Принятие других (мужчин)	59	201 + 32	–
Принятие других (женщин)	27	219 + 46	–
Коммуникативная толерантность к мужчинам	140	127 – тенденция к интолерантности	25
Коммуникативная толерантность к женщинам	187	99 – тенденция к интолерантности	6
Фемининность в поло-ролевом поведении	28	260	4
Осведомленность в «женском вопросе»	40	116	136

В качестве одного из методологических оснований исследования выступила теория транзактного анализа Э. Берна². Она позволяет оценить психологическое благополучие личности в соответствии со степенью выраженности ее ролевых позиций: Взрослый – Дитя – Родитель – в межличностных отношениях. Группа обследованных нами женщин отличается тем, что нормативный вариант (ВДР) обнаружен лишь у 83 женщин (28,4%); 37 (12,7%) – предпочитают общение с позиции «Родителя», 63 (21,6%) – с позиции «Дитя»; 98 (33,6%) – не хватает непосредственности, естественности и творчества в межличностных отношениях (выраженность ролевых позиций – ВРД); у остальной части испытуемых – 11 женщин (3,8%) обнаруживаются внутриличностные конфликты эго-состояний.

3. *Диагностика личностных расстройств* с помощью сокращенного варианта многофакторного опросника ММРІ показала, что нормативный личностный профиль имеют 72 женщины (24,7%); у 220 клиенток (75,3%) обнаружены личностные особенности, обуславливающие эмоционально-психологическое неблагополучие, причем 72 женщины из этого числа (24,7%) находились в состоянии социальной дезадаптации. Эти данные в целом согласуются с данными, полученными с помощью теста К. Роджерса и Р. Даймонда «Социально-психологическая адаптация» (обнару-

жено, что 68 женщин (23,3%) обладают признаками социально дезадаптированной личности).

4. *Выявление психопатологизирующих особенностей* социализации клиенток и определение дезадаптирующих факторов социальной среды

4.1. Анализ ситуаций социального воспитания в родительской семье. 187 женщин (64%) из 292 воспитывались в полной традиционной семье; 65 клиенток (22,3%) – в полных семьях от повторного брака одного или обоих родителей; 32 женщины (11%) из неполной материнской семьи; 8 женщин воспитаны родственниками (2,7%).

Методы карательной педагогики в отношении к ним чаще всего применялись матерью – 139 женщин (47,6%); отцом – 52 клиентки (17,8%); наказывались обоими родителями – 33 испытуемые (11,3%); наказывала бабушка – 7 (2,4%); мать и бабушка – 5 (1,7%); методы карательной педагогики не применялись в отношении 56 женщин (19,2%). Поводами для их применения чаще всего оказывались: «рискованное поведение, опасное для жизни – 157 клиенток (53,8%); «уклонение от домашних дел» – 156 (53,4%); «уклонение от воспитания младших детей» – 101 (34,6%); «порча вещей других членов семьи» – 43 (14,7%); «плохая учеба» и «порча своих вещей» – по 28 клиенток (9,6%) соответственно; наказывались за совершение кражи – 4 (1,4%);

наказывались редко и лишь за слишком плохие единожды совершенные проступки — 48 (16,4%); в детстве либо не подавали повода для наказания и не наказывались, либо не наказывались — 56 (19,2%).

В качестве самого значимого члена их родительских семей чаще указана мать — 129 женщин (44,2%); затем отец — 59 (20,2%); «Я», т. е. сама женщина — 15 (5,1%); брат или сестра — 12 (4,1%). Симбиоз обнаружен в 17 случаях (5,8%); у 36 женщин (12,3%) в качестве самого значимого члена родительской семьи представлен кто-то другой, т. е. принадлежащий к иной семейной системе (бабушка, дедушка, дядя, тетя и т. п.). В 25 случаях (8,6%) определить самого значимого члена родительской семьи не представляется возможным.

Эмоциональную близость в родительской семье одна часть из них смогла установить с матерью — 83 женщины (28,4%); с братом или сестрой — 61 (20,9%); с отцом — 44 (15%); с другими людьми, являющимися членами других семейных систем — 29 испытуемых (9,9%). В 20 случаях (6,9%) обнаруживается симбиоз. В 55 случаях (18,8%) определить эмоционально близкого члена семьи не представляется возможным, например, когда испытуемая не рисует себя в кругу родительской семьи³.

4.2. Анализ особенностей межличностных отношений в семьях клиенток.

Обнаружено, что первыми в рейтинге самых значимых членов их семьи — они сами — 111 женщин (38%); второе место занимает муж или сожитель — 77 (26,4%); третье — представитель другой семейной системы — 36 (12,3%); на четвертом месте — ребенок — 27 (9,2%); в 25 случаях в семье выявляется симбиоз и в 16 случаях определить самого значимого члена семьи невозможно.

Что касается их эмоциональной близости с членами своей семьи, то здесь лидирует ребенок — 163 случая (55,8%); на втором месте — симбиотические отношения — 47 случаев (16%); третью группу составляют случаи, когда определить эмоционально

близкого женщине члена ее семьи не представляется возможным — 36 случаев (12,3%); муж или сожитель оказывается на последнем, четвертом месте — 17 случаев (5,8%).

Как отметили клиентки в период обращения за помощью, их отношения в данный момент лучше всего складываются с другими людьми, нежели с членами своей семьи — 116 женщин (39,7%); 97 (33,2%) женщин указали ребенка; у 35 (12%) клиенток — с мужем или сожителем (результаты теста «Моя семья» подтверждают лишь 17 случаев, так что половина этих женщин, скорее всего, выдает желаемое за действительное); 32 (11%) женщины в большей степени ладят со своими матерями, чем с членами своей семьи; 8 (2,7%) — со своими отцами; 4 (1,4%) клиентки — с обоими своими родителями.

Анализ полученных данных на предмет выявления зависимости характеристик супружеской семьи от родительской (подобное исследование осуществлено Т. И. Дымновой⁴ в 1998 году показал поразительное сходство рисунков «Моя родительская семья» и «Моя семья», особенно в случаях, когда испытуемая воспроизводила симбиотическую модель родительской семьи в собственной семье (17 случаев; 5,8%).

4.3. Анализ неосознанно исполняемых гендерных ролей.

Опираясь на опыт анализа гендерных ролей И. С. Клёциной⁵, мы выявили фактор, разрушающий семейное благополучие клиенток, — это неосознаваемые гендерные роли, которые женщины исполняли интолерантно, например, роль «невестка». Ее не признавали 176 (60,3%) из 188 обследованных женщин, находящихся в традиционном браке. Эти данные, полученные с помощью методики «Кто я?», уточнялись нами методом комплексного эксперимента: «Моя родительская семья», «Моя семья», геносоциограмма семьи — и нашли подтверждение.

Рейтинг неосознанно исполняемых женщинами гендерных ролей: невестка — 176, сестра — 61, дочь — 52, экс-супруга —

49 женщин из 51, женщина – 36, супруга – 33 женщины из 188, работница – 24, сожительница – 19 женщин из 25, внучка – 17, сватья – 15, теща – 13, любовница – 9 женщин из 9, мать – 8, бабушка – 8, вдова – 4 женщины из 4, свекровь – 4. В качестве дополнения к этому списку указываем 15 случаев, когда клиентки давали исчерпывающий список и адекватные пояснения к нему, а также 9 случаев, когда женщины в своих определениях уходили в область фантазии, и у них с помощью тестов СПА и Мини-мульг выявлялась социальная дезадаптация.

4.4. Анализ факторов личностной фрустрации (ЛФ) показал, что среди них наиболее часто встречается «рухнувшие надежды» – его указывают 192 женщины (65,8%), «достойна лучшего» – 168 клиенток (57,5%), «отношения в семье» – 143 испытуемых (49%), «обстоятельства» – 140 женщин (48%), «быт» – 121 женщина (41,4%), «досуг» – 107 клиенток (36,6%), «материальное положение» – 92 женщины (31,5%), «срыв злости на других» – 80 испытуемых (27,4%), «зависть к другим» – 77 клиенток (26,4%), «унижают» – 40 женщин (13,7%), «невезение» – 29 испытуемых (9,9%), «жизнь проходит зря» – 28 женщин (9,6%).

4.5. Исследование факторов социальной фрустрированности позволило нам понять состояние клиенток с учетом более широкого социального контекста. В итоге мы получили рейтинг факторов СФ: качество медицинского обслуживания – 179 женщин, обстановка в стране – 145, качество сферы услуг и бытового обслуживания – 105, возможность выбора места работы – 103, возможность проводить отпуск так, как хочется – 99, материальное положение – 97, жилищно-бытовые условия – 83, проведение досуга – 69, муж – 61, образование – 45, условия труда – 43, родители – 43, социальное положение – 25, коллеги – 23, дети – 20, образ жизни в целом – 19, содержание работы – 15, друзья и знакомые – 13, администрация – 8, субъекты профессиональной деятельности – 0.

5. Факторный и корреляционный анализы полученных данных

Поскольку с помощью корреляционного анализа (по Пирсону) было выявлено большое количество значимых взаимосвязей между исследуемыми переменными на 1% и 5% уровнях значимости, постольку мы пришли к необходимости более сжатой их группировки с помощью факторного анализа, который представлен ниже.

Факторному анализу подвергнуты следующие переменные: 1) осведомленность в «женском вопросе»; 2) личностная фрустрация; 3) факторы личностной фрустрации; 4) социальная фрустрированность; 5) факторы социальной фрустрированности; 6) доверие к людям; 7) принятие других (мужчин); 8) принятие других (женщин); 9) коммуниктивная толерантность к мужчинам; 10) коммуниктивная толерантность к женщинам; 11) враждебность; 12) цинизм; 13) агрессия; 14) фемининность – маскулинность; 15) саморазвитие; 16) самооценка; 17) лживость; 18) адаптация; 19) самопринятие; 20) принятие других; 21) эмоциональный комфорт; 22) интернальность; 23) доминирование; 24) эскапизм; 25) ролевая позиция в межличностных отношениях «Взрослый»; 26) ролевая позиция в межличностных отношениях «Дитя»; 27) ролевая позиция в межличностных отношениях «Родитель»; 28) шкала лжи; 29) шкала достоверности; 30) шкала коррекции; 31) ипохондрия; 32) депрессия; 33) истерия; 34) психопатия; 35) паранойяльность; 36) психастения; 37) шизоидность; 38) гипомания.

В результате факторного анализа выделено 4 фактора социально-психологического неблагополучия женщин, один из которых является основным и 3 других специфическими для данной выборки. В первый фактор «психопатологические особенности личности», являющийся основным и описывающим 20% дисперсии, вошли следующие переменные: на положительном полюсе – такие психопатологические личностные особенности, как ипохондрия,

депрессия, истерия, психопатия, паранойяльность, психастения, шизоидность, гипомания, шкалы «F» и «K» ММРІ, а также эскапизм; на отрицательном полюсе — шкала «L» ММРІ. Таким образом, одним из факторов социально-психологического неблагополучия женщин является высокий уровень выраженности таких психопатологических личностных особенностей, как ипохондрия, депрессия, истерия, психопатия, шизоидность, гипомания в сочетании с высоким уровнем эскапизма, т. е. с уходом от действительности, от имеющихся проблем, нежелание что-либо предпринимать для их разрешения. Во второй фактор «фрустрированность», являющийся специфическим и описывающим 9% дисперсии, вошли следующие переменные: на положительном полюсе — уровни и факторы личностной и социальной фрустрированности, коммуникативная толерантность к мужчинам и женщинам, враждебность, цинизм, ролевая позиция в межличностных отношениях «Дитя»; на отрицательном полюсе — низкая степень осведомленности в женском вопросе, доверия к людям и принятия других. То есть вторым фактором социально-психологического неблагополучия женщин является фрустрированность, сопровождающаяся интолерантностью, враждебностью, цинизмом, недоверием к людям и неприятием других, что свойственно женщинам, которые в межличностных отношениях занимают ролевую позицию «Дитя». В третий фактор «дезадаптированность», являющийся специфическим и описывающим 7% дисперсии, вошли следующие показатели социально-психологической адаптации: адаптация, самопринятие, принятие других, эмоциональный комфорт, интернальность. Высокий уровень данных показателей является критерием адаптированности, низкий — дезадаптированности. В четвертый фактор «ограниченное саморазвитие», являющийся специфическим и описывающим 7% дисперсии, вошли следующие переменные: на поло-

жительном полюсе — саморазвитие, самооценка, интернальность, агрессия, доминирование, принятие других, ролевая позиция в межличностных отношениях «Взрослый»; на отрицательном полюсе — маскулинность. Высокий уровень данных показателей в сочетании с фемининными тенденциями в поло-ролевом поведении приводит женщину к психологическому благополучию, низкий уровень обуславливает состояние социально-психологического неблагополучия.

Обсуждение результатов

В качестве комментария к табл. 2 отметим некоторые особенности проявления социально-психологических характеристик личности данной категории испытуемых. Во-первых, это в целом низкий уровень СФ при более выраженном уровне ЛФ; во-вторых, повышенный уровень враждебности и цинизма; в-третьих, преобладание тенденции принимать себя в большей степени, чем других: получено статистически значимое различие в показателях «самопринятие» и «принятие других» ($t = 8,025; p = 0,000$); в-четвертых, это женщины со средним и низким уровнем доминирования; в-пятых, это женщины, в большей степени принимающие мужчин, чем женщин: по данному показателю также получено статистически значимое различие ($t = 3,939; p = 0,000$); в-шестых, хотя в целом по данной группе испытуемых обнаруживается тенденция принимать мужчин в большей степени, чем женщин, по фактору «коммуникативная толерантность» получен результат обратного характера: эти женщины в большей степени проявляют коммуникативную толерантность к женщинам и интолерантны к мужчинам — обнаруженное различие также статистически значимо ($t = 8,857; p = 0,000$). Имеющиеся в психологии исследования гендерного фактора в языке и коммуникации свидетельствуют о том, что в большей степени коммуникативная интолерантность проявляется в отношении женщин — их чаще перебивают, упрекают

за многословие, не слушают⁶. Однако обследованные нами женщины принимают себя в большей степени, чем других; принимают мужчин в большей степени, чем женщин, но тех и других – в меньшей степени, чем себя; при этом в общении с другим полом предпочитаю проявлять не толерантность, а цинизм и враждебность. Адекватную ролевую позицию в межличностном общении занимают лишь 83 клиентки (28,4%).

С позиций обыденной психологии женщинам в большей степени, чем мужчинам, свойственна лживость, так называемый «первый грех Евы». В «Психологическом энциклопедическом словаре» это качество определяется как «преднамеренное искажение действительности... в целях избежания неприятных последствий. В детские годы формируется в условиях многочисленных неоправданных запретов и суровых наказаний...»⁷. Эта личностная особенность обнаружена у 32 женщин (11%), что явно не соответствует указанному гендерному стереотипу.

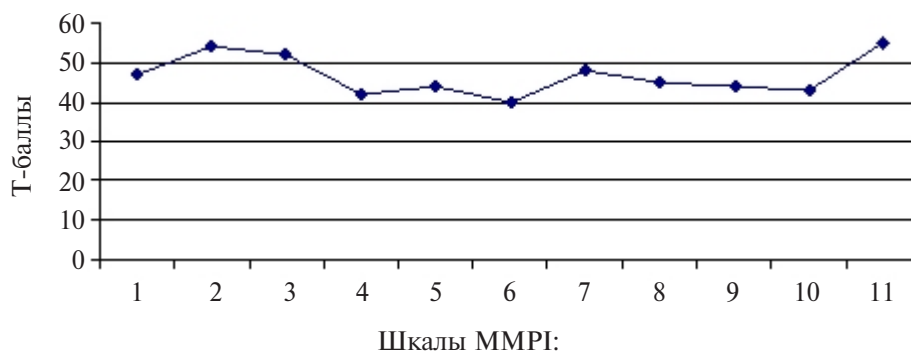
Особого внимания заслуживает показатель «Осведомленность в женском вопросе». Лишь 40 женщин (13,7%) смогли в письменной форме выразить суть понятий: «гендер», «эмансипация», «феминизм», «гендерный конфликт», «гендерная справедливость», «гендерное равенство»; 116 женщин (39,7%) в общем раскрыли содержание некоторых из них; 136 испытуемых (46,6%) не смогли выразить их смысл или давали определения негативного характера, например, «Эмансипация – это вред для женщин, для семьи» (Ирина, 57 лет, социальный работник), «Гендерный конфликт – не знаю, что...» (Елена, 37 лет, социальный педагог), «Эмансипация – это уничтожение ценности и значимости женщин» (Наташа, 25 лет, детский психолог), «Феминизм – это большая нагрузка и ответственность женщин» (Наталья, 34, врач-психиатр), «Эмансипация – ошибочное направление, феминизм – глупость» (Ирина, 55

лет, директор ГУСО), «Эмансипация – это фикция, феминизм – заблуждение, гендерное равенство означает свободу самовыражения» (Маруся, 52 года, специалист социальной работы), «Эмансипация – ерунда, феминизм – чушь» (Маша, 42 года, служащая гостиницы) и т. д. Особую категорию составляют определения, которые раскрывают содержание понятия «феминизм» как стремление женщин подняться на ступень выше, чем мужчины: «это главенствующая роль женщины», «выход женщин на руководящие посты», «приоритет женщин в обществе», «превосходство женщин». Причем их дали работницы социальной сферы с высшим образованием.

Для достижения цели нашего анализа было важно подтвердить связь уровня толерантности с уровнем самопринятия – факта, которой констатируется в исследовании Е. Ю. Клепцовой⁸. Из него следует важный методический принцип: чтобы повысить уровень толерантности женщин, обращающихся за психосоциальной помощью, нужно повысить их уровень самопринятия. Однако в обследованной нами группе показатель «самопринятие» оказался наиболее выраженным из всех показателей социально-психологической адаптации, но при этом клиентки отнюдь не отличались толерантностью, так что мы поставили в качестве одной из задач психокоррекции повышение показателя «принятие других», который явно проигрывал в сравнении с «самопринятием». Факторный анализ позволил нам понять, что испытуемые женщины склонны избегать осознания своих проблем и, имея сниженный уровень реализации потребности в саморазвитии, используют такой способ психической защиты, как проекция своих «недостатков» на окружающих.

Психодиагностика личностных особенностей и расстройств личности обратившихся за помощью женщин позволила нам составить личностный профиль среднестатистической клиентки.

Личностный профиль среднестатистической клиентки

1 – ложь, 2 – достоверность, 3 – коррекция, 4 – ипохондрия, 5 – депрессия, 6 – истерия, 7 – психопатия, 8 – паранойяльность, 9 – психастения, 10 – шизоидность, 11 – гипомания

Диаграмма иллюстрирует общую по группе обследованных женщин тенденцию – скрывать симптомы неблагополучия (слабо выраженные показатели по шкалам 4 – ипохондрия, 5 – депрессия, 6 – истерия) и стремление выглядеть толерантнее (слабо выраженный показатель по шкале 7 – психопатия; показатели по шкалам «достоверность» и «коррекция» либо больше 50 Т-баллов, либо выше среднего значения; высокий уровень психопатизации; завышенный уровень жизненной активности; истероидные черты). Этот вывод нашел подтверждение в условиях группы, где клиентки отказывались от психических защит и проявляли истинные личностные особенности.

Анализ ситуаций социального воспитания испытуемых позволяет утверждать, что значительное количество обследованных нами женщин с большей долей вероятности имело возможность унаследовать искаженное представление о семье, нежели усвоить модель семьи, адекватную критериям благополучия. Даже на рисунках женщин, воспитывавшихся в полных семьях, отец и мать изображены как автономные, дистанцированные друг от друга члены семьи, а не супружеская пара, тогда как для семейного благополучия это условие является определяющим. В исследовании В. Н. Дружина⁹ (1996 год) мы встречаем сходные результаты, свидетельствующие о

преимущественной эмоциональной близости женщины-матери с детьми, а не с мужьями, однако в нашем случае эта тенденция выражена слишком ярко и не вписывается в общую тенденцию эволюции семьи из традиционного брака к духовно-психологическому супружеству, о котором писал в 1997 году Ю. Рюриков¹⁰.

Многих девочек, если они были первым ребенком в семье, наказывали по двум причинам одновременно – «уклонение от домашних дел» и «уклонение от воспитания младших детей». Им явно вменялись многообразные и не свойственные им хозяйственно-бытовые обязанности, так что они должны были быть «вместо мамы» для своих сиблингов и зачастую «вместо мамы» для своей матери и «вместо жены» – для отца. Подобная тенденция в социализации российских девочек была подмечена в исследовании, выполненном в 1993 году под руководством канадского психолога Р. Кериг¹¹.

Обнаружено, что когда речь идет о родительских семьях испытуемых, то собственного отца они игнорируют по причине его «плохости» или включают в число членов семьи после намека экспериментатора; часто не в состоянии вспомнить отчества собственных бабушки и дедушки, особенно по линии отца; родовое дерево мужа воспринимается клиентками как низменное, не заслуживающее внимания; его родителей они считают второстепенными

по сравнению со своими, осуждают за «неправильное поведение»; не все из обследованных клиенток помнят отчество своего свекра, не зависимо от того, жив он или умер; к свекрови относятся как к помехе их счастью в браке; часто вместе с мужем или в одиночку навещают своих родителей, оказывают им разнообразную помощь и стимулируют мужей к ее оказанию, но крайне редко и немногие делают это в отношении родителей мужа. Ни одна из женщин не указала свекровь, свекра или обоих родителей мужа в качестве субъектов хороших отношений, тогда как для счастливой семейной жизни — это одно из главных условий.

Подавляющее число обследованных женщин проявляет шизоидность (отгороженность, отчужденность) в отношениях с избранными ими мужчинами и значительная часть из них — в отношениях и с собственными детьми. Вероятно, имеет смысл искать объяснение этой тенденции в особенностях общественной жизни эпохи советской власти. В то же время лишь 17 женщин из 292 на момент обращения разграничивали понятия: «Моя родительская семья» и «Моя семья».

Обнаружена тенденция к увеличению числа случаев симбиотических связей в собственной семье клиенток по сравнению с числом случаев симбиоза в их родительских семьях («РС» — 20 случаев, «МС» — 47 случаев из 292). Установлено, что обследованные женщины, создавшие симбиотические связи в своей семье, в большинстве своем отличаются низким уровнем реализации потребности в саморазвитии.

Что касается ценности мужчины и женщины в семье, то наблюдается изменение тенденции по сравнению с тенденцией в родительских семьях: возросло количество случаев равноценности полов (со 196 до 228) и в то же время обнаруживается преимущественная ценность мужчин (41 женщина указала, что в ее семье принято больше ценить мужчин, чем женщин; 23 клиентки отметили большую ценность жен-

щин). Объяснить этот результат возможно опытом потерь, который приобретает современными женщинами в большей степени, чем их матерями, и заставляет ценить то, что клиентки имеют в данный период жизни.

Установлено, что обсуждение информации о гендерных ролях дает терапевтический эффект: он достигался в случаях осознания женщиной того факта, что она «супруга» и, следовательно, «невестка», изменялось ее поведение и, следовательно, отношения с мужем и семьей мужа улучшались; в случаях, когда разведенная женщина вела себя как замужняя и при этом жаловалась на женское одиночество; когда то же самое делала вдова, психологически сохранявшая брак со своим умершим мужем и оставшаяся свободной лишь визуально. Особого внимания заслуживают случаи, когда женщина, сожительствующая с мужчиной, использует определение: «жена», но не «невестка» — и одновременно жалуется на плохие отношения в семье. Осознание роли «любовница» ставит женщину в ситуацию выбора — прекращать эту связь в пользу укрепления отношений с мужем или наоборот, а также корректирует ее самооценку.

Обследованные женщины в значительной степени различаются по указанному количеству фрустрирующих их факторов ЛФ (от 0 до 10) и СФ (от 1 до 10). Создается впечатление, что значительная часть испытуемых затрудняется в полную силу выражать недовольство в отношении главных фрустраторов и вместо этого испытывает фальшивое чувство досады сразу по многим поводам, чем, вероятно, и создает ситуацию напряжения в отношениях с окружающими. Кроме того, обнаруживается противоречие: наиболее часто встречающимися факторами СФ являются «медицинское обслуживание», «обстановка в РФ», «сфера услуг» и «место работы» (причем фрустрирующим фактором последнего не являются клиенты и в малой части случаев им оказываются содержание рабо-

ты, администрация, коллеги), где профессионально занято большинство этих женщин. Получается, что в большей степени они недовольны тем, что делают сами и что в их власти делать по-другому. Половина из них предпочитает сетовать на обстановку в стране и тратить силы на переживание того, что находится вне их компетенции. Вероятно, обнаруженный парадокс скрывает неудовлетворенность собой в сфере труда, для радостного осуществления которого у клиенток отсутствуют исходные позитивные предпосылки, с одной стороны, находящиеся в благополучной семье (вместо них – фрустрирующие отношения с родными и близкими), и с другой, – формируемые самой личностью в процессе жизнедеятельности, например, готовность творчески обогащать содержание работы, сложившаяся система саморазвития, адекватная самооценка и ролевая позиция в межличностных отношениях и т. д.

Выводы

1. Социально-психологическое неблагополучие обращающихся за помощью женщин является следствием влияния внешних и внутренних факторов, обуславливающих психопатологизацию личности. В числе психопатологизирующих внешних факторов обнаружены: ряд социальных фрустраторов, таких как «обстановка в стране», «низкое качество медицинского и социального обслуживания», «сложное материальное положение семьи», «бытовые трудности», «невозможность проводить досуг и отпуск согласно своим потребностям»; аномальный тип родительской семьи, воспроизводимый в собственной семье; практика наказания девочек за уклонение от исполнения психопатологизирующих семейных ролей; крайности в отношениях между членами семьи – отчужденность или симбиоз; гендерная интолерантность в межличностной коммуникации; бессознательное деструктивное исполнение женщинами значимых для благополучной семейной жизни традиционных гендерных ролей. Совокуп-

ность внутренних причин составляют: а) психопатологические особенности личности (высокий уровень выраженности личностных особенностей по таким показателям, как ипохондрия, депрессия, истерия, психопатия, шизоидность, гипомания в сочетании с высоким уровнем эскапизма); б) фрустрированность, сопровождающаяся коммуникативной интолерантностью, враждебностью, цинизмом, недоверием к людям, неприятием других и сочетающаяся с ролевой позицией «Дитя» в межличностных отношениях; в) дезадаптированность (низкие показатели СПА: адаптация, самопринятие, принятие других, эмоциональный комфорт, интернальность); г) «ограниченное саморазвитие» (отсутствие сложившейся системы саморазвития, низкая самооценка, неадекватная агрессия, чрезмерная уступчивость, неприятие других, ролевые позиции в межличностных отношениях «Дитя» и «Родитель», маскулинные тенденции в поло-ролевом поведении).

2. При выборе стратегии психосоциальной помощи женщинам следует преимущественно ориентироваться на психогенные факторы внутреннего характера, такие как: отсутствие сложившейся системы саморазвития, неадекватная самооценка, неадекватные ролевые позиции в межличностных отношениях, низкие показатели социально-психологической адаптации (адаптация, самопринятие, принятие других, эмоциональный комфорт, интернальность, доминирование) и тип личностного расстройства – на том основании, что они находятся в компетенции самих клиенток и в принципе поддаются психологической коррекции. При таком подходе женщины получают шанс начать преобразование собственной жизни с самих себя вместо исправления «плохости» значимых для них людей, избавиться от переживания чувства бессилия вследствие неоправданных ожиданий (фактор «рухнувшие надежды») и вернуть утраченное чувство эмоционального благополучия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика личности и малых групп. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002.
- ² Берн Э. Трансакционный анализ и психотерапия. – СПб.: Братство, 1992.
- ³ Цветкова Н. А. Психосоциальная работа с женщинами: Монография. – Псков: Изд-во ПГПУ, 2005.
- ⁴ Дымнова Т. И. Зависимость характеристик супружеской семьи от родительской // Вопросы психологии. – 1998. – № 2. – С. 37–44.
- ⁵ Клёцина И. С. Психология гендерных отношений: теория и практика. – СПб.: Алетейя, 2004.
- ⁶ Горошко Е. Гендерная проблематика в языкознании // Введение в гендерные исследования. Ч. 1. / Под ред. И. Жеребкиной. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 508–542.
- ⁷ Еникеев М. И. Психологический энциклопедический словарь. – М.: ТК Велби, 2006.
- ⁸ Клепцова Е. Ю. Психология и педагогика толерантности: Учеб. пособие. – М.: Академический проект, 2004.
- ⁹ Дружинин В. Н. Психология семьи. – СПб.: КСП, 1996.
- ¹⁰ Рюриков Ю. Б. Измены и разводы, треугольники и квартеты. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1997.
- ¹¹ Берн Ш. Гендерная психология. – М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.

N. Tsvetkova

REASONS FOR SOCIOPSYCHOLOGICAL ADVERSITY OF WOMEN ASKING FOR HELP

The article presents the analysis of the reasons of women's sociopsychological adversity, external and internal factors that condition sociopsychological adversity of women, who announced their life problems, and factors that can be psychologically corrected, which allows to determine a strategy of sociopsychological help. Psychodiagnostics of personal traits and disorders of these women made it possible to draw a personality profile of the average client. It was revealed that a considerable number of the examined women were more likely to inherit a deformed conception of a family than to adopt the family model that is adequate to the well-being criteria. In the choice of a strategy of sociopsychological help to women we should mainly orientate to the psychogenic internal factors.